

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Скрипичный ключ к счастью

Саша и Барон – знаменитый сыщик и его пес

Дарья Калинина

Скрипичный ключ к счастью

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Скрипичный ключ к счастью / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2022 — (Саша и Барон – знаменитый сыщик и его пес)

ISBN 978-5-04-178574-1

Юная сыщица Саша осталась без детективного расследования и загрустила. Чтобы развеять хандру, она решила повторить музыкальные композиции Шерлока Холмса на скрипке. Вот тут-то новое расследование и нашло девушку – к Саше по ошибке попала бесценная скрипка, стоящая целое состояние. А на следующую ночь к Саше домой проникли злоумышленники, и инструмент под уникальным именем Ярослава без следа исчез... Удастся ли Саше найти бесценное музыкальное сокровище и разгадать все тайны, связанные с ним, – обо всем этом читайте в захватывающем детективе Дарьи Калининой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178574-1

© Калинина Д. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Александровна Калинина

Скрипичный ключ к счастью

© Калинина Д.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Сашенька маялась от безделья. Это было совсем не в ее духе, а потому давалось вдвойне трудно. Но увы, не помогали скрасить охватившую девушку грусть ни подступившая к городу весна, ни родители, ни друзья, ни даже общество всеобщего любимца пса Аладдина, превратившегося за последнее время из нескладного щенка во вполне себе красивого и сформировавшегося собаку.

Свою игривость он унаследовал от пуделя, являвшегося одним из его родителей. А добрый нрав и лояльность ко всем живым тварям, в том числе и к людям, достались ему от второго родителя – лабрадора. Пудель плюс лабрадор – вот и получилась дизайнерская собака под названием лабрадудль.

И, представьте себе, даже такая замечательная собака не могла помочь Саше и извлечь ее из той пучины, в которую погружалась девушка. Ей срочно было нужно чем-то себя занять. Чем-то очень важным и при этом увлекательным. Лучше всего новым расследованием. Но чтобы что-то расследовать, нужно было найти хоть какую-нибудь загадку, за которую можно было бы уцепиться, словно за спасательный круг.

А пока Сашенька прикидывала, чем бы таким ей заняться, Аладдин или, как его звали все домашние – Диня, вынужденно проводил время в обществе своего пернатого друга – попугая Яго, который, увы, учил его не доброму, светлому и вечному, а исключительно всевозможным пакостям, проделкам и каверзам. Да еще подстраивал коварный попугай дела так, что неизменно виноватым и под подозрением оказывался Диня.

Разумеется, хозяева прекрасно знали, откуда у их проблемы растут ноги. Они пытались повлиять на попугая, призвать того к порядку, но пока что безрезультатно. Попугай продолжал шкодить, впутывая добродушного простака Аладдина в свои дела все больше и больше.

Особенно громко сетовал на подобное положение дел папа:

– Это я виноват в том, что Диня попал под дурное влияние Яго. Принес беду в дом. Не следил, не занимался ими. И теперь наш головастый попугай, увы, не обремененный высокими моральными качествами, растит из бедного пса настоящего разбойника. Что дальше будет?

– А что будет?

– Представьте, – понизив голос, сообщил папа жене и дочери, – на днях я видел, как эта парочка тусовалась возле нашего продуктового магазина. Как эти двое проходимцев выбрались на улицу, если дверь закрыта, а на окнах москитные сетки, это уже отдельный разговор. Но что они там возле магазина делали, спросите вы меня?

– Что?

– Воровали еду!

– Не может быть!

– Еще как может! В магазине, по случаю наступившей теплой погоды, со стороны двора были открыты окна, так вот, я своими глазами видел, как Яго вылетел из этого окна наружу, сжимая в лапах куриный окорочок.

– Сырой!? – ахнула мама.

– Ну, допустим, копченый, – с неудовольствием уточнил папа. – А что? Это что-то меняет?

– Сырой без термообработки может быть вреден для желудка.

Папа кинул на нее страдальческий взгляд, не о том ты, женщина моя любимая, думаешь, ох, не о том печешься, и продолжал:

– Так вот, вылетел Яго, добычу кинул Аладдину, а сам назад. Обрато вернулся уже с упаковкой орешков. Догадываешься, какие взял?

– Фисташки, – предположила мама. – Яго эти орехи любит больше остальных.

Папу, который и так уже закипал, этот ее ответ почему-то возмутил до крайности, и он закричал:

– Любит он их! Скажите, пожалуйста! Я тоже много чего люблю. Но я же не ворую понравившиеся мне вещи! Я же не дикарь, я цивилизованный человек. А тут форменное безобразие. Один чужую курятину грызет, словно эскимо, а второй рядом ворованные орехи щелкает. Меня увидели, думаешь, они прекратили? Как бы не так! Только быстрее клювом и челюстями задвигали. Еще удивительно, что их за этим делом не застукали продавцы.

– А ты что сделал?

– А что я мог сделать? Сделал вид, что это не моя собака и не мой попугай, отвернулся от них и, насвистывая, прошел к дому.

– Ну и хорошо, что все обошлось, – с облегчением произнесла мама. – А с нашего магазина не убудет! Может, это вообще просрочка была, которую так и так нужно было утилизировать. Вот наши ребята сотрудникам магазина и помогли в этом деле.

– В этот раз обошлось, тут я с тобой согласен! Но рано радоваться. Ведь так не может продолжаться вечно. И я совсем не удивлюсь, если вскоре нам станут поступать жалобы от соседей, обворованных этими двумя молодчиками.

Но соседи пока молчали и только восхищались обаянием Аладдина и умом Яго, что вселяло в папу еще более мрачные мысли.

– Все их так нахваливают, что у меня складывается впечатление, наши пес и попугай занялись рэкетом и вымогательством. Они что-то такое узнали и теперь запугивают бедных соседей, так что те стремятся к шантажистам подольститься.

Мама хохотала и утверждала, что у мужа сезонное обострение. Папа смотрел на нее в ответ любящим взглядом, а потом веселье жены заражало и его, и он тоже начинал смеяться. А вот Сашеньку проделки ее друзей совсем не забавляли.

Несмотря на все усилия отвлечься от тоски, Сашенька только все глубже погружалась в хандру. А ведь и время для такого недуга было совсем неподходящее, на дворе стояла весна, солнца становилось все больше, и дни становились все теплее и длиннее. И казалось, сама природа настоятельно советовала встряхнуться, скинуть с себя зимнюю одурь и тоску и увидеть, до чего же прекрасна жизнь!

Но Саша никак не могла взять себя в руки. Вслед за стремительно ворвавшимся в ее жизнь расследованием и сопровождавшими его бурными эмоциями, у Саши вновь наступил период полного затишья. И девочка просто не знала, куда себя и приткнуть. Сначала целыми днями слонялась она по квартире, пыталась ходить на долгие пешие прогулки, отвлечься на учебу, читать, смотреть ролики, вышивать, клеить, строгать... Нет, ничего ей не помогало!

По примеру своего известного коллеги она даже попыталась играть на скрипке, но быстро поняла, что самостоятельно ей это искусство не осилить, нужен кто-то знающий, после чего стала брать уроки у частного преподавателя. Родители нашли ей через и еще раз через знакомых опытного преподавателя с превосходными отзывами, но тот после нескольких посещений Саши как-то утратил первоначальный оптимизм и все чаще заговаривал с ученицей о том, что ей бы, дескать, остановить свое внимание на более покладистом инструменте.

– Например, фортепиано прекрасно подойдет, – соблазнял он Сашеньку, стараясь не смотреть той прямо в глаза. – Ну, или ударные!

– Скрипка!

– Сдалась тебе эта скрипка! – кипятился учитель. – Ты только представь себе, сыщик – барабанщик! Или вот треугольник, тоже прекрасный инструмент! На него твоих музыкальных способностей вполне хватит.

Но Саша не хотела звенеть в треугольник, она хотела выводить сложные этюды, совсем как великий Шерлок. Увы, пальцы упорно становились на грифе не туда, смычок срывался, а старенькая еще бабушкина скрипка буквально кривилась от страшного конфуза, что эти

жуткие звуки приходится издавать ей. Скрипка пережила пять занятий, а на шестом сломалась. Просто рассыпалась в руках у слишком уж упрямой ученицы.

– Впервые такое в своей жизни вижу, – изумился Петр Карлович, держа в руках то, что осталось от скрипки. – Скрипка разлетелась буквально на кусочки. Сашенька, вы ее роняли?

– Я – нет. Возможно, бабушка в свое время. Или мама, когда делала уборку.

Петр Карлович считал, что это очень похоже на то, что скрипка попросту свела счеты с жизнью.

– Самоубийство у скрипок прежде зафиксировано не было, так что можешь гордиться.

Учитель также осторожно предположил, что случившееся с инструментом может быть им своего рода знаком.

– Глас с небес, что тебе, Сашенька, нужно оставить эту затею с игрой на скрипке.

Может, оно так и было. И даже, скорее всего, именно так и было, потому что последующие события показали, насколько глубоко был прав Петр Карлович, предостерегая Сашу от этой науки.

Но Сашенька не хотела ничего слышать. Никакие предостережения на нее не действовали. Она желала выучиться играть и мечтала выводить долгими тоскливыми вечерами пьесы, распугивая комаров, тараканов и бабочек, а также доводя соседей до нервных срывов. Чем провинились перед ней соседи, Саша и сама толком объяснить не могла. Ею руководил подростковый нигилизм, который начисто отрицает у старшего поколения право на что угодно и в первую очередь на покой.

– Я куплю новую скрипку! – с азартом заявила она. – Немедленно! Прямо сейчас!

Петр Карлович лишь тяжело вздохнул. Но видя такую неистребимую тягу у этого бездарного ребенка к музыке, спорить не осмелился. И чиркнул на бумажке название магазина, куда Сашенька полетела стрелой. Действительность несколько отрезвила ее. Девочка-то полагала, что ученическая скрипка может и должна стоить совсем недорого и планировала уложиться в пределах десяти тысяч. Каково же было ее изумление, когда она поняла, что за эти деньги не сможет приобрести даже смычка.

Саша схватила телефон и зарыдала в него:

– Петр Карлович, дорогой вы мой человек, помогите! У меня не хватает денег! Тут все так дорого!

– Сашенька, это ведь инструмент. Он будет служить вам всю жизнь. Впрочем, есть вариант приобретения подержанного инструмента.

– А где гарантия, что он не развалится, как моя старая скрипка?

– Гарантии такой нет. Но ведь и стоят бывшие в употреблении скрипки совсем не так дорого. Можно купить две или даже три штуки и терзать их, пока несчастные не рассыплются в прах.

Сашенька сорвала телефончик с объявления, которое висело на дверях магазина, и сразу позвонила. Увы, номер оказался неактивен. Но Саша уже узнала направление, в котором ей надо двигаться, и стала вызывать скрипки с Авито.

Скрипок продавалось много. И весь остаток вечера провела в разъездах по городу. Увы, скрипки попадались совсем никудышные. Даже неопытной Саше, едва-едва научившейся извлекать несколько нот, было ясно, что так вибрировать и потрескивать приличная скрипка не может. Но оказалось, что первая была еще очень даже ничего. Остальные предлагались либо без струн, так что проверить их звучание было невозможно, либо в состоянии очень близком к тому, в котором пребывала собственная скрипка Саши.

В итоге Саша поняла, что проще и дешевле будет склеить остатки своей скрипки, чем она и занялась.

– Клей «Момент» нам в помощь!

К следующему утру скрипка просохла и была готова к употреблению. Внешне она выглядела превосходно, вот только услышав первые же ноты, которые она издала, Петр Карлович схватился за голову. Саша и сама поняла, что потерпела фиаско. И в отчаянии так стукнула себя смычком по голове, что голове стало больно, а смычок треснул.

– Сашенька, вы должны что-то с этим сделать. Ваш инструмент безнадежно испорчен. Я дам вам адрес одного очень хорошего моего друга, съездите к нему. У него есть скрипочка на продажу, возможно, вам удастся уговорить его отдать инструмент именно вам.

– А что? Хорошая скрипка?

– Отличная! Скрипка, смычок, футляр, все в комплекте. Идеально! Многие хотели приобрести у него инструмент, но он всем отказал.

– Тогда зачем мне к нему ехать?

– Потому что я уверен, что вам он ее отдаст за сущие копейки.

Голос Петра Карловича прозвучал столь загадочно, что Сашеньке стало любопытно.

– Почему именно мне?

Этого Петр Карлович не объяснил, но повторил, что его друг и его скрипка – это единственная надежда для Саши продолжить обучение при отсутствии у нее должного финансирования. Увы, это была горькая правда. Родители Саши разрешили ей брать платные уроки музыки только после серьезного разговора, что иначе Саша пойдет заниматься боксом. Поставленные перед жестким выбором бокс или скрипка, родители в итоге все-таки выбрали музыку.

И все же Саша понимала, что если на оплату уроков Петра Карловича ее родители еще как-то находят средства, то купить новый хороший инструмент им так сразу будет уже не под силу. Сносные скрипки стоили очень дорого, а у ее родителей сейчас каждая копейка была на счету, ведь они как раз сейчас строили новый дом за городом.

Когда строительство начиналось, родители рассчитывали на одну сумму, которая у них отчасти уже имелась, а отчасти они собирались взять кредит. Саша помнила, как все вместе они с увлечением прикидывали, как будут строить свой будущий дом. Но цены выросли настолько, что им всем стало ясно, от первоначального проекта придется отказаться. Так дом из двухэтажного быстро стал одноэтажным, площадь его тоже сократилась, исчезли балкончики, о которых мечтали папа и Саша, и пропало высокое крыльцо с ажурным козырьком – мечта мамы, а толщина стен заметно уменьшилась.

И все равно строительство существенно замедлилось. Поэтому та десятка, которую выделили Саше, была пределом нынешних возможностей родителей.

– Интересно, почему Петр Карлович думает, что я получу эту скрипку?

Саша глянула в бумажку, которую ей дал преподаватель. Ехать предстояло далеко, на другой конец города. Владельца скрипки звали Никифором. И никакой предварительной договоренности у Саши с ним не было. На этом настаивал Петр Карлович.

– Специально не даю тебе его номера телефона. Если позвонишь и скажешь про скрипку, то все пропало. Он просто тебе не откроет.

– А как же быть?

– Приезжаешь, звонишь, он тебе открывает, видит тебя и только после этого уже заводит разговор про скрипку!

– А если мне откроет дверь жена? Или дочь?

– Он живет один.

– А сколько ему лет?

– Мы с ним ровесники.

Петр Карлович всегда казался Саше древним стариком, чуть ли не ровесником пророка Авраама. Но открывший Саше дверь мужчина выглядел куда как моложе.

– Чего тебе? – спросил он у девочки.

Ни капли любезности не было слышно в его голосе. И смотрел он на Сашу без всякой симпатии.

Саша отчаянно трусила, но набралась смелости и довольно нахально заявила:

– Я за своей скрипкой приехала. Она ведь у вас?

Она ожидала, что мужчина турнет ее или попросту захлопнет перед ее носом дверь. Но тот лишь кивнул.

– Подожди!

И всего через минуту в руках у Саши очутился продолговатый черный футляр. Он был тяжелый. Еще бы! Ведь внутри него был инструмент. Скрипка!

Дверь уже начала закрываться, как Саша спохватилась:

– А деньги-то?..

– Сейчас у меня нет. Потом зайдешь!

– Вы не поняли, это я вам должна! За скрипку!

Но дверь уже закрылась. И Саша очутилась в одиночестве.

– Чудеса какие-то, – пробормотала она. – Догадывалась, что мужик с чудишкой, но чтобы настолько...

Первым делом она открыла футляр, чтобы убедиться, что внутри находится то, что ей нужно. Скрипка лежала там, заботливо прикрытая бархатистой попонкой. Ее вид не слишком впечатлил Сашу, но она понимала, что оценить инструмент на глаз невозможно. На скрипке нужно поиграть, и желательно, чтобы это сделал профессионал, а не она со своими кривыми ручками.

Пришлось вернуться к Петру Карловичу, который как раз закончил заниматься со своим последним на сегодняшний день учеником и выговаривал ему, стоя у дверей:

– Геша, я тебя умоляю, мягче пальцы. Ты вцепляешься в гриф, словно это утопленник, которого тебе нужно вытащить на берег. А скрипки любят ласку и нежность точно так же, как и женщины. Тренируйся лучше. Это тебе и на будущее пригодится.

Огненно-рыжий Геша краснел до слез и кидал на Сашеньку страдающие взгляды. Они уже встречались. И еще при их первой встрече Сашенька поняла, что Геннадий, что называется, запал на нее всеми фибрами своей юной души. Но он был младше ее на целый год, рыжий, с торчащими ушами, да и вообще... Перед мысленным взглядом девушки все еще стояла подтянутая атлетическая фигура ее любимого следователя Милорадова. И даже тот факт, что они уже почти месяц не общались, ничего не менял. Геша при всем своем желании и всей снисходительности Сашеньки никак не мог тягаться в ее сердце со следователем.

– А можно я тоже посмотрю, что она привезла? – спросил Геша у доброго Петра Карловича, который, конечно же, ему разрешил.

– Ну, посмотри.

Сам Петр Карлович уже раскрывал замки на футляре, покашливая от сдерживаемого волнения.

– Отдал, значит? – спрашивал он у Саши. – И долго тебе пришлось его уговаривать?

– Вы удивитесь, но нет. Все случилось в точности, как вы предсказывали. Он открыл дверь, увидел меня и сразу же пошел за скрипкой. Представляете, он даже деньги не захотел у меня взять!

– Да что ты!

– Я ему говорю, а как же деньги? А он даже не услышал, просто взял и дверь захлопнул.

– Ну, я потом с ним поговорю. Если эта скрипка пролежала у него десятки лет без дела, это еще не значит, что он должен...

Но тут Петр Карлович замолчал. Осекся он в тот момент, когда открыл футляр и увидел скрипку. Выглядело это столь странно, что Саша встревожилась.

– Что-то не в порядке?

- Это не та скрипка, – произнес Петр Карлович, голос которого звучал сдавленно.
- Она плохая?

Учитель покачал головой. Кажется, он был не в силах справиться с охватившим его волнением.

- Хорошая? – уточнила Сашенька.
- Лучшая!
- Но это не та, о которой вы говорили?

– Эта много лучше! Не то чтобы та скрипка, за которой я тебя посылал, была плоха, но эта вообще шедевр! Ты себе даже не представляешь, ЧТО за инструмент попал к тебе в руки!

Петр Карлович бережно извлек скрипку из футляра и провел смычком по ее струнам. Скрипка немедленно откликнулась таким нежным и в то же время сильным звуком, что у ребят невольно по спине пробежали мурашки. Петр Карлович играл, а лицо его выражало попеременно все оттенки изумления.

Неожиданно он прекратил играть, еще раз оглядел скрипку и произнес:

- Нет, все равно не понимаю, как он мог!
- Чего вы не понимаете?

– Это просто не укладывается у меня в голове! Никифор отдал тебе свой собственный инструмент! Отдал тебе свою скрипку!

- Но она же хорошая?

– Хорошая! – воскликнул Петр Карлович то ли с негодованием, то ли с восторгом. – Да ее сотворил сам Яровой! Своими собственными руками! В своей мастерской! Ты это понимаешь?

И не дожидаясь ответа от девушки, он продолжал:

– Денис Владимирович колдовал над ней! Эту скрипку он сделал специально для выступления Никифора на фестивале в Милане. И ни одна живая душа не усомнилась, что Никифор играет на одной из скрипок лучших итальянских мастеров прошлого. Думали, что это Амати или сам Страдивари. Представляешь?

- И... это хорошо?

– Боже, да кому я это говорю! Неужели ты сама не слышала, как звучит эта скрипка? Таких инструментов в мире, возможно, всего несколько десятков. И он отдал ее тебе! Нет, я немедленно должен ехать к Никифору! Я должен разобраться в том, что происходит! Он или сошел с ума, или тяжело заболел!

– Больным он не выглядел, – хмуро буркнула Саша, которой совсем не улыбалось снова тащиться на другой конец города.

И зачем? Все так прекрасно складывалось. Она получила скрипку, которая многократно превосходила ее старую. И получила ее совершенно даром. Зачем же куда-то ехать и что-то там уточнять? Лично она не видела в этом никакого смысла.

– Можно ведь просто позвонить! – осенило ее. – Позвоните этому вашему Никифору, он вам подтвердит, что отдал мне скрипку совершенно добровольно. И значит, она моя!

– Она не может быть твоей! Этот инструмент принадлежит всему человечеству! Никифор выступает со своей Ярославой на лучших сценах мира. И ты хочешь сказать, что такая скрипка может очутиться в руках у начинающего неопытного ученика?

- Значит, ваш Никифор разглядел во мне талант!

Саша деликатно пыталась намекнуть своему учителю, что ему тоже не мешало бы приглядеться получше. Но Петр Карлович при этих ее словах скривился, словно у него разболелся гнилой зуб. В наличие такой величины таланта у своей ученицы он явно не верил.

– Сашенька, он ведь тебя даже не слышал. Ты говоришь, что он открыл дверь и сразу отдал тебе скрипку?

- Да, именно так. Я попросила, он отдал.

– Потрясающе! Невероятно! Сокровище России отдать в руки дилетанта, потому что тот об этом попросил! Человек на старости лет сошел с ума, а никому до этого нет дела! Безумный старик!

– А кто такая эта Ярослава? – спросил Геша.

– Вот она!

И Петр Карлович потряс в воздухе скрипкой.

– Это ее имя! Никифор так назвал скрипку после... Одним словом, он так ее назвал. Он ее обожал! Боготворил! И отдал первой встречной. Выживший из ума старикашка! Старый безмозглый пень!

– Почему вы называете его стариком? – пожала плечами Сашенька. – Он совсем даже не выглядит старым.

– Не выглядит?

Петр Карлович осекся, а потом голос его изменился, стал вкрадчивым и льстивым:

– А как же он выглядит, Сашенька?

– Ну как... На вид ему лет пятьдесят, никак не больше. Он мужчина крепкого телосложения. Крупные черты лица. Выющиеся густые волосы, седина в них только еще пробивается.

– А татуировки на руке у него не было?

Саша напрягла память. Вот в дверь высовывается рука, которая держит скрипку. Она обнажена до самого локтя, и хорошо видна синяя надпись «Кабул 1986».

– Это его зять! – воскликнул Петр Карлович, явно шокированный. – Боже мой, все еще хуже, чем я предполагал!

– Почему?

– Никифор порвал отношение с этим человеком после смерти Анечки!

– Анечка – это дочь Никифора?

– Это его внучка! Что касается дочери... То свою дочь мой друг также потерял.

– Какое горе!

– И не говори, – вздохнул Петр Карлович. – Бедный Никифор! Он души не чаял в своих девочках. Внучка поселились у Никифора после развода своих родителей. После того как ее мать ушла от своего невыносимого мужа и забрала девочку с собой, они стали жить у Никифора. Совершенно правильное решение, я считаю! У Никифора им было куда комфортней! И там я мог помогать с воспитанием Анечки. Родной отец ребенка если и появлялся, то крайне редко, и участия в воспитании девочки почти не принимал. Увы, в один из таких краткосрочных визитов и случилось несчастье, в котором Никифор обвинял потом зятя. Он так и не смог ему простить смерть внучки. Сашенька, как только я тебя увидел впервые, сразу вспомнил про нее.

– Почему?

– Анечка была очень похожа на тебя. Вот поэтому я и надеялся, что Никифор отдаст тебе ее скрипку.

– То есть мне вы предназначили скрипку его внучки?

– Да, Анечка занималась музыкой. И у нее был очень достойный инструмент, который все эти годы пылился у Никифора в шкафу. Погибшей девочке ее скрипка уже все равно не понадобится, а тебе могла пригодиться.

То есть милейший Петр Карлович сватал ей скрипку покойницы! Не очень-то приятная перспектива, играть на таком инструменте. Но одновременно у Сашеньки проснулось любопытство.

– А что случилось с этой Анечкой?

– Она погибла.

– Это я поняла. Но отчего? Она ведь была совсем молодой?

– Вы с ней были примерно одного возраста. Ее убили.

Еще и убили! Нехорошая несчастливая аура, окружавшая имя прежней владелицы скрипки, могла частично коснуться и самого инструмента. Лично Саше куда больше нравилась та скрипка, которую ей подарил зять музыканта. И пусть Петр Карлович считает этого человека чуть ли не злодеем, Саша испытывала к нему симпатию. Вот так взял и подарил ей скрипку, которая должна стоять целое состояние. И ни копейки с нее за это не взял. Милейший человек! Милейший!

Но Петр Карлович ее чувств не разделял и метался по комнате в полном отчаянии.

– Я уверен, что случилось несчастье! Никифор никогда бы не впустил в свой дом этого человека, если бы не какие-то чрезвычайные обстоятельства. Мы должны немедленно ехать туда! Обязательно! Надо понять, что происходит!

Он так разволновался, что даже не смог сесть за руль. Пришлось вызвать такси. К этому времени уже стемнело. Родители дважды звонили Саше, пытаясь понять, где это она так сильно задержалась. Девочке пришлось убедительно врать про скрипку, которую для нее нашел Петр Карлович.

– Мы сейчас за ней как раз едем. Так что я под присмотром, не волнуйтесь.

О том, что бедный ее учитель сам нуждался в присмотре, Сашенька умолчала. А Петр Карлович был плох. Он сосредоточенно сосал валидол, но лицо оставалось бледным. Какой из него защитник! Справа от девушки сидел Геша, который сам был еще ребенком. Старик, девушка и мальчишка. Саша припомнила крепкие мускулистые руки, которые протягивали ей скрипку в футляре, и засомневалась, стоит ли им в таком составе соваться в квартиру музыканта.

– Возможно, нам нужно позвонить кому-нибудь из друзей Никифора? – робко предложила она.

Но Петр Карлович покачал головой:

– Некому звонить. Все, кто был ему близок, уже умерли. Я – последний, кто может прийти на помощь Никифору.

– Ну, а родственники?

– Тоже.

– Тоже что?

– Умерли.

– Не может такого быть! Не могу поверить, чтобы у вашего Никифора был бы в родственниках только зять.

Но Петр Карлович стоял на своем. Если какая-нибудь дальняя родня и имеется, то он с ними связи не имеет, а стало быть, помощи от них ждать не приходится. И как ни пугала Сашеньку мысль, что отбивать великого музыканта из рук его врага – зятя им придется всего лишь вдвоем, другого выхода не было. Оставалось надеяться, что зять проявит чуточку благородства и не станет драться со стариками, детьми и женщинами. А так как других бойцов в команде попросту не было, то зять по логике вещей должен был выдать им Никифора без боя.

Глава 2

Драться им и не пришлось. Попросту было не с кем. И когда они добрались до нужной двери, то сразу обнаружили два неприятных момента. Во-первых, дверь была приоткрыта. А во-вторых, из квартиры никто не отзывался.

– Вы как хотите, а мне это не нравится, – сказала Саша. – Нужно вызвать полицию.

Но Петр Карлович считал, что сначала нужно осмотреться и понять, что к чему.

– Полицию мы вызвать всегда успеем.

– Я точно знаю, когда дверь в чужую квартиру открыта, соваться туда нельзя, – настаивала Саша. – Нужно сообщить в органы и оставаться на месте до прибытия полиции.

– Так то в чужую! – возразил Петр Карлович. – А это квартира моего друга. Практически родственника! Да! Да! Ты не ослышалась! Если бы Елена была замужем за мной, то сегодня у Никифора не было бы таких проблем. Елене нужно было быть моей женой, а не этого недалекого человека, который никогда не мог оценить такую тонкую и хрупкую натуру, какая была у Елены! Так что мы идем внутрь сами!

Петр Карлович был старше и вообще, он был их преподавателем, поэтому спорить ребята не осмелились. Вслед за ним Сашенька и Геша шагнули через порог и оказались в самой удивительной и запущенной квартире, которую им приходилось видеть. Всюду, куда хватало взгляда, лежала пыль. Она покрывала зеркала, полочки и даже пол таким ровным слоем, что сразу становилось очевидно, ее покров никто не тревожил влажной тряпкой вот уже очень много лет подряд.

Посередине коридора в этой пыли была протоптана своего рода тропинка, еще три тропинки вели в ванную, кухню и комнату, которая оказалась проходной. Из этой первой комнаты можно было попасть в следующие две комнатки, которые были уже изолированными. Такое расположение комнат в квартире в народе именовалось «распашонкой» и не пользовалось особой любовью у населения. Оно и понятно почему. Вроде бы комнат три, а по факту использовать можно только две из них. В третьей проходной никто не захочет жить, потому что покоя в ней не будет. И даже мебель расставить в ней трудновато, остается пригодной одна стена, а в остальных уже проделаны отверстия – либо это двери, либо окна.

И все же именно в этой комнате расположился на отдых мужчина. Место он выбрал очень странное, лежал в углу под столиком, так что за креслом его даже не сразу заметили.

Одного взгляда хватило Сашеньке, чтобы понять, перед ней тот самый зять Никифора, который подарил ей ценную скрипку. Нехорошие предчувствия охватили Сашу, когда она увидела этого прилегшего так некстати и не к месту отдохнуть человека.

Такие мысли одолевали не ее одну. И если Петр Карлович просто испуганно охнул, схватился за сердце и рухнул на стоящий в комнате диван, то Гена на ногах устоял, хотя и был бледен.

– С ним все в порядке? – испуганно произнес он, глядя на Сашеньку. – Он... он живой?

– Сейчас проверим.

Саша осторожно пробралась к телу пострадавшего, попутно отметив про себя, что, по крайней мере, в этой комнате пол недавно помыли. Влажные разводы высохли и оставили на полу живописные мазки. Не то чтобы таинственный уборщик стремился навести в комнате идеальную чистоту, но все же лучше, чем совсем ничего. По крайней мере, можно было смело ступать, не боясь, что затопчешь чьи-нибудь следы.

– Ну, что там? Живой он?

Тело было теплым, но глаза у мужчины были закрыты, а дыхание почти не прослушивалось. Кроме того, тронутые сединой волосы у него на голове были испачканы кровью.

– По-моему, он без сознания. Тут нужен врач!

– Я вызову!

Пока Геша вызывал врачей, Саша сканировала взглядом комнату. Так что же она тут видит необычного? Все предметы в комнате покрывал тот же слой пыли, который встретил друзей в коридоре. А вот пол кто-то совсем недавно протер шваброй, которая валялась тут же. Протер небрежно, совсем не желая наводить чистоту и порядок, скорее всего, это сделали для того, чтобы уничтожить следы своего пребывания.

Конечно, в коридоре протоптаны тропинки, по которым преступник мог передвигаться без опаски. А тут ему пришлось оттащить тело в сторону от основных путей сообщения, он наследил в пыли и побоялся, что по следам его смогут быстро вычислить. Поэтому ему пришлось на скорую руку повернуть легкую уборку. Он очень торопился, но все равно успел закончить совсем незадолго до нашего появления.

На все еще слегка влажном полу Саше удалось разглядеть всего один отпечаток, который не принадлежал ни им троим, ни пострадавшему. Это был отпечаток ноги женщины или подростка. Размер тридцать пятый, никак не больше.

– У Хелены всегда была очень маленькая ножка, – неожиданно подал голос Петр Карлович. – А вот Анечка унаследовала ступни своего отца, у нее даже в подростковом возрасте нога была почти тридцать восьмого размера.

Саша закончила осмотр комнаты и под села к Петру Карловичу.

– Кто такая эта Хелена? – ласково спросила она у него. – Вы уже не впервой упоминаете ее имя. И расскажите мне уже, что именно случилось с Анечкой?

– Свою дочку Никифор назвал Хеленой. На этом настояла его жена. Чудесная женщина, я всегда завидовал Никифору. Разумеется, завидовал белой завистью! Но Марта была просто находка. Понимающая, чуткая, душевная, но при этом еще и великолепная хозяйка. Именно она содержала дом в порядке, а Никифора с Хеленочкой в чистоте и уходе.

– Значит, Хелена была дочерью Никифора и его жены Марты?

– Да, других детей Никифору иметь было не суждено. И они с Мартой души не чаяли в Хелене. Увы, она сделала неверный шаг, вышла замуж за этого ужасного человека – Сергея, и с этого момента вся ее жизнь пошла под откос. Муж оказался тираном, постоянно ей лгал, пропадал где-то сутками напролет, потом придумывал всяческие истории об его якобы похищениях. Конечно, он шлялся по бабам. Но Хелену держал с ним ребенок.

– Анечка?

– Очень милое существо. Очаровательная крошка. Она обожала свою маму и бабушку с дедушкой. Ко мне она испытывала дружеские, почти родственные чувства. Звала меня «деда Петр». Увы, однажды девочка пропала. Мать была вне себя, Никифор с Мартой обезумели от горя. Одному папаше было все равно, он снова куда-то исчез. Впрочем, кому до него было какое дело? Хелена уже давно перебралась жить к родителям. Так что поиски Анечки почти целиком легли на плечи Никифора, Марты и Хелены. Увы, они не принесли желанного результата. Хелена осталась жить у Никифора, но надо было видеть, в каком жалком состоянии она пребывала. Муж ничем... ровным счетом ничем ее не поддержал. На саму Хелену страшно было смотреть. Она чахла буквально на глазах. Потом умерла Марта, уверен, этому способствовало то, что случилось с внучкой и дочерью. Никифору было проще, он целыми днями проводил на работе. Там, среди людей за любимым делом, он отвлекался от своего горя. А Хелена была обречена. В тоске и одиночестве она целыми днями ходила по опустевшей квартире. Она ничего не могла делать, повредила рассудком. И те тропинки, которые так тебя удивили, появились еще при ее жизни в этой квартире. Конечно, если такое существование можно было назвать жизнью.

– А потом она умерла?

– Фактически да. Можно и так сказать.

– Как это? – не поняла Сашенька.

– Никифор поместил дочь в психиатрическую лечебницу. Ему пришлось это сделать, Хелена повредила рассудком, врачи настаивали, что ей нужен специальный уход, которого овдовевший Никифор не мог своей дочери предоставить. Он и за собой-то никогда не умел толком ухаживать, что уж там говорить о других! Впрочем, врачи предполагали, что, если бы Хелена могла увидеть свою дочь живой, возможно, разум к ней бы и вернулся, в психиатрии известны подобные случаи. Вот только никто до сих пор не может сказать, куда исчезла Анечка. Не было найдено ничего, что указывало бы на это.

– То есть, возможно, Анечка еще жива?

– Шансов на такой благоприятный исход почти нет. Все полицейские, которые занимались делом исчезновения Анечки, держались одной точки зрения. Раз не удалось найти ребенка в течение полугода, значит, она мертва.

Сашенька задумалась. Изначально Петр Карлович сказал, что дочь и внучка Никифора погибли, а теперь выясняется, что это не совсем так. Внучка пропала, но тело ее так и не было обнаружено, а стало быть, существует крохотная вероятность того, что девочка до сих пор жива. Ну, а про дочь точно известно, что она жива, хоть рассудок у нее и дремлет.

– А что с ним случилось?

Это Сашеньку слегка подтолкнул вернувшийся в комнату Геша.

– Врачей вызвал, – отчитался он. – Они спросили, что с ним такое?

Геша указывал на тело.

– Кто-то ударил его по голове.

– Ну, я так и сказал им, у него удар. Они пообещали приехать, как можно скорее.

– Удар и ударили – это немного разные вещи, – вмешался Петр Карлович. – Ударом раньше называли апоплексический удар или инсульт. А Сергея кто-то просто ударил по голове.

– Кто?

– Наверное, сам хозяин квартиры, – предположил Геша.

Но против такого предположения активно воспротивился Петр Карлович:

– Никифор не мог этого сделать! Он и в лучшие годы мухи бы не обидел. А уж сейчас... Он чувствует себя куда старше своих лет. Жаловался мне на днях, что еле ходит. Буквально из последних сил таскает ноги. Где уж ему кого-то там по головам лупить.

– Тогда кто?

– Я не знаю.

– Ваш друг, как я понимаю, жил один?

– Да.

– А кто ему помогал по хозяйству?

– Сам управлялся. Много ли ему надо? Немного несладкого чая и кусок ржаного хлеба.

– Однако на кухне у него стоит бисквитный торт с кремом и бутылка коньяка.

Это произнес Геша, который уже успел пробежаться по квартире, и Сашенька почувствовала некоторую досаду. Впрочем, досадовала она на саму себя. Расселась тут, допрос ведет. Этим можно будет заняться и потом. Петр Карлович никуда от нее не денется. А вот из квартиры и непосредственно с места преступления их в скором времени могут и турнуть. Да и пострадавшего неплохо было бы осмотреть повнимательней.

Этим Саша и занялась.

Петр Карлович пробовал возражать, что это неэтично для молодой девушки рыться по чужим карманам и щупать чужое тело, тем более что тело принадлежит живому еще мужчине. Но Сашенька этого чудака даже не стала слушать. Если бы она всегда вела себя как прилично молодой девушке, ни одно из проводимых ею расследований так и не было бы завершено. О чем она сообщила Петру Карловичу, приведя того в состояние полнейшего шока.

– Я и не подозревал, что ты скрываешь подобные таланты!

– Вы еще многого про меня не знаете! Говорю вам, научиться игре на скрипке мне необходимо для пользы дела.

Говоря это, Саша уже всю рылась в чужих карманах. Девушка была в совершеннейшем упоении. Наконец-то... Наконец-то настоящее дело! К сожалению, карманов у пострадавшего было немного, толком разгуляться не удалось. Два кармана нашлось на его брюках и один нагрудный на рубашке. В брюках нашелся перочинный ножик и помятая пачка сигарет с зажигалкой. Нож был хороший, Саша немножко разбиралась в таких вещах. По нынешним ценам этот нож должен был стоить тысяч пятнадцать.

– Дорогая вещица. А вот сигареты он курил самые бюджетные. И зажигалка затрапезная пластиковая, дешевле нее только спички. И одет небогато. Про обувь я уж и не говорю. Ботинки неплохой фирмы, но он их носит уже не первый год. Все носы сбиты, и подметки почти до дыр стерлись. Лучше бы он себе новую обувь купил, чем такой ножик!

– Может, это и не его нож вовсе? – предположил Геша. – Нашел? Украл? Подарили?

Зато нагрудный карман рубашки порадовал Сашеньку сразу двумя находками. Одна была визиткой некоего «Ларионова П. П. Духовного отца и лидера мормонов всея Руси». Так и было написано на визитке.

– Этого только не хватало!

О мормонах у Сашеньки было очень однобокое представление и, увы, совсем не позитивное. Спасибо, сэру Артуру, про мормонов она знала, что живут в штате Юта и у них в ходу многоженство. И еще они не брезгают воровать чужих невест и дочерей, чтобы потом насильно склонить их к сожительству и свадьбе.

А что, если и пропавшая Анечка стала жертвой этого Ларионова, любителя чужих дочерей? Он сам или вместе с сообщниками украл ее, склонил к сожительству, держал у себя в плену. А отец девочки откуда-то об этом узнал, пытался вернуть свою дочь, но был постигнут сообщниками преступника и пострадал за правое дело.

Вторая находка была ничуть не менее интересной. Это была записка, в которой лежал засушенный цветок. Определить его Сашенька не могла, никогда такого не видела.

– Что-то экзотическое.

Геша понюхал и чихнул.

– У меня аллергия, – смущенно пояснил он.

Сашенька тоже понюхала. От цветка сладко пахло, и в носу у нее защекотало, хотя аллергией Саша не страдала.

– Убери его, вдруг он ядовитый.

В записке было всего несколько слов. «Приходи 16-го в 18 часов».

– Посмотрите, это почерк вашего друга?

Петр Карлович долго шурился, но, в конце концов, признался, что почерк и впрямь похож на каракули Никифора.

– Но шестнадцатое – это ведь сегодня?

– Да.

– И я была тут примерно в половине седьмого, то есть в шесть тридцать. Спустя полчаса после назначенного времени. Получается, что ваш друг сам пригласил зятя к себе!

– Этого не может быть! Они не общались!

Саша пожала плечами. Спорить с Петром Карловичем сейчас у нее не было времени.

– Другой вопрос, почему ваш друг Никифор придумал такой сложный и старомодный способ приглашения в гости? Записку нужно адресату передать лично или передать ее с посыльным. Не проще ли позвонить? Или послать эсэмэс?

– Для Никифора не проще, – ответил Петр Карлович. – Он не пользовался мобильным телефоном.

А значит, и все блага быстрой связи, которую предоставляет интернет в современном мире, были для Никифора практически недоступны.

– К тому же Сергей живет неподалеку. Никифору было нетрудно прогуляться к его дому и оставить там записку.

Чуждачества пожилых людей были известны Саше не понаслышке. Ее собственная бабушка даже спустя многие годы после войны отправляла всем своим родным письма, свернутые фронтовым треугольником. И очень сердилась, когда на почте ей деликатно советовали воспользоваться стандартным конвертом.

И повернувшись к Геше, девушка спросила у него:

– Что ты там насчет торта с коньяком говорил? Где это все?

Геша очень оживился.

– Пойдем! Покажу!

Они прошли на кухню, стараясь ступать исключительно по протоптанным тропкам, чтобы не оставить в пыли следов.

На кухне было немножко почище, чем во всей остальной квартире. Видимо, иногда хозяин тут все же наводил какое-то подобие порядка. Впрочем, это было нетрудно, кухонные шкафчики поражали своим минимализмом. Сашенька нашла внутри них лишь пачку овсянки и пару пачек самых дешевых макаронных изделий. Холодильник был отключен, видимо, за ненадобностью. Хранить в нем было нечего. На плите сучала одинокая кастрюлька, купленная, судя по состоянию эмали на ее дне, еще при царе Горохе.

– А дед-то аскет! У него даже электрического чайника нет. В ковшике воду кипятил! А вместо молока использовал сухую молочную смесь.

В голосе Гешы звучало изумление пополам с восхищением:

– Похоже, хозяин питался исключительно заваренными в кипятке хлопьями и пустыми макаронами.

– Тут еще растительное масло есть. Соль и сахар. И чай! Вполне можно жить!

– Один день, возможно, – согласилась Саша. – Некоторое время на таком рационе даже полезно побыть. Но чтобы питаться так месяцами или годами... Неужели ему не хотелось чего-нибудь вкусенького?

– Вот торт старик купил. И коньяк. Наверное, гостя хотел получше угостить.

Саша покачала головой. Торт был дорогой, из хорошей кондитерской. Бабушка как-то принесла Сашеньке такой торт на день рождения, вкус был просто восхитительный, а вот цена немного пугала. Но раз в году можно себя побаловать, так сказала тогда бабушка. Коньяк был французский, тоже своего рода сокровище.

– У старика рука бы не поднялась выкинуть такую кучу деньжищ на торт и коньяк. Если бы он готовился к приходу гостя, то купил бы вафельный торт в ближайшем магазине да заварил бы чаёк покрепче. Спорю, что угощение притащил сюда сам зять.

– И кого же он собирался угощать?

– Как кого? Хозяина, конечно. Этого господина Никифора.

– Но где же он? – задумался Геша и тут же сам предположил: – Может, в тех двух комнатах, которые закрыты и в которых мы еще не побывали?

Сашенька чуть не застонала от злости. Что у нее с головой? Неужели доктора не врут, и перенесенный зимой ковид так плохо сказался на ее умственных способностях? Говорят же, что после болезни у людей ухудшается память и вообще они глупеют. Похоже, что Сашеньку постигла та же участь. Хотя и странно она подействовала, накрыло не сразу, а с отсрочкой в несколько месяцев.

На кухне Сашенька снова увидела в пыли отпечаток женской ноги. И это заставило ее задать своему учителю вопрос:

– Возможно, к вашему другу приходила какая-нибудь женщина?

Но Петр Карлович категорически отверг это предположение.

– После исчезновения своих любимых девочек – жены, дочери и внуки, Никифор не мог даже и смотреть на других женщин.

– Никто не говорит, что у него был роман. Но могла же какая-то женщина просто за ним ухаживать. Социальный работник или какая-нибудь добрая душа из благотворительного общества? Или просто соседка!

– Ничего такого не было, иначе я бы знал!

В это время приехали врачи, которые осмотрели пострадавшего и нашли его состояние достаточным для госпитализации. Кто бы сомневался!

– У него закрытая черепно-мозговая травма. Более точно можно будет сказать после того, как ему сделают рентген. Где его паспорт и страховка?

Этого никто не знал, но врачи не стали вредничать.

– Потом привезете. Мы его забираем.

Забрали и ушли, оставив Петра Карловича в растерянности.

– Что же нам делать? Придется дожидаться возвращения Никифора.

– Вы бы ему позвонили.

– Не могу. Говорю же, этот старый дуралей не пользуется мобильником.

– То есть с ним невозможно связаться?

– Никак. Иначе я бы давно это уже сделал.

Пока Петр Карлович переживал за своего друга, его ученики продолжили осмотр квартиры. Две изолированные комнаты оказались совсем маленькими, но, как ни странно, выглядели уютно. В одной еще сохранились детские вещи, увидев которые, Сашенька нахмурилась.

– А сколько лет было Анечке, когда она пропала? – обратилась она к Петру Карловичу.

– Ей на тот момент только-только исполнилось четырнадцать. Но она для своих лет была довольно высокой девочкой. Многие, кто не знал ее истинного возраста, считали ее старше.

– Но тут в комнате лежат детские вещи, они подойдут разве что для совсем маленького ребенка. И к тому же на мальчика. Был у Никифора какой-нибудь внучек?

– Нет! Только внучка! Анечка!

Кроме всяких курточек и штанишек, в комнате нашлись игрушки. И это были совсем новые игрушки, купленные совсем недавно. Это Сашенька могла сказать со всей определенностью. Точно такого робота одному из племянников подарили на днюху. И это была желанная новинка, за которой гонялись все мамочки детсадовцев. Откуда у одинокого старика в квартире новенький робот?

– А как давно пропала Анечка?

– С тех пор прошло ровно пять лет.

– Ровно?

– Да, она пропала шестнадцатого мая. День в день.

– Вы так хорошо это помните?

– Я бы и рад был забыть этот день, но Никифор не позволял мне это сделать. Каждый год он в этот день обзванивал всех своих друзей и напоминал о трагедии. Конечно, со временем друзей становилось все меньше, но мне Никифор звонил регулярно.

– А сегодня звонил?

– Сегодня почему-то нет.

– И зачем он это вообще делал? – вмешался Гена.

Петр Карлович замялся, за него ответила Сашенька:

– Наверное, ему казалось, что пока люди помнят про Анечку, то она вроде как жива и, значит, у него еще есть шанс, что рано или поздно она вернется к ним, – предположила она.

И Петр Карлович, словно эхом, продолжил за ней:

– Хелена увидит свою дочку и исцелится. И они снова будут счастливы как раньше.

– Но пока что в доме вашего друга появилась какая-то другая женщина, да еще не одна, а с маленьким мальчиком. Они явно жили в этой комнате или, по крайней мере, бывали тут. И знаете, что мне еще кажется странным. Вы говорите, что Никифор не общался со своим зятем, звать его не желал, а вот сегодня сам пригласил его к себе в гости. Для чего? Явно это было не просто так.

– Не могу знать. Никифор мне об этом ничего не говорил.

– Вы были с ним такими близкими друзьями, а он не ввел вас в курс дела? Ничего не рассказал о том, что затевает?

– Нет, ничего. Странно, правда?

– Не более чем найденный нами зять с пробитой головой.

Вторую комнатку занимал сам хозяин. И тут снова прослеживалась все та же аскеза, которую уже наблюдали на кухне. Все вещи были старыми или очень старыми. И снова никаких излишеств, никаких симпатичных штучек, даже занавесок на окне не было.

– Простите, но я должна сказать, что ваш друг живет очень скромно, если не сказать, бедно. Это прямо бросается в глаза. Он бедствовал?

– Совсе нет! Зарабатывает Никифор более чем хорошо. Но таков был его сознательный выбор. Все гонорары за свои выступления он тратит на благотворительность. Себе оставляет жалкие копейки, лишь бы не умереть с голоду.

– Но при этом у него имеется скрипка, стоящая миллионы?

– Что же тут удивительного? – пожал плечами Петр Карлович. – Скрипка – это его инструмент. Никифор живет ради своей музыки и памяти своих девочек. И потом... этот инструмент Никифору сделал сам мастер Яровой, находясь под впечатлением его виртуозного исполнения. И было это еще в советское время, когда Никифор не был никому не нужным старикашкой, а был молодым и перспективным исполнителем, счастливым отцом и мужем.

К этому времени они обыскали всю квартиру и поняли, что хозяина в ней точно нет. Это не могло не радовать, потому что при сложившихся обстоятельствах все трое боялись, что обнаружат хозяина точно в таком же состоянии, в каком они нашли его зятя. Если не в худшем. Но пока что все складывалось в пользу того, что Никифор уцелел, хотя и непонятно, где отсутствует.

– Если сегодня шестнадцатое и это памятный день для вашего друга, не было ли у него каких-нибудь ритуалов помимо звонков друзьям и знакомым?

Петр Карлович хлопнул себя по лбу.

– Ну, конечно! Как я мог забыть! Он же всегда в этот день ездил на кладбище!

– К кому?

– Как это к кому? К Марте с Анечкой.

– То есть к жене и внучке? Но Анечка же не умерла.

– После стольких лет отсутствия надежды на ее возвращение уже почти никакой не оставалось. Когда похоронили Марту, в скором времени Никифор укрепил на ее памятнике маленькую табличку с именем Анечки. Конечно, ему хотелось поставить ей большой и красивый памятник, но при отсутствии тела возникли бюрократические препоны. Начальник кладбища оказался какой-то очень упертый, никак не хотел позволить сделать такое. Хотя Никифор предлагал ему за эту услугу очень хорошие деньги. Удалось прикрутить лишь табличку, которую Никифор установил самостоятельно.

– Думаете, что ваш друг до сих пор находится на кладбище?

– Вряд ли. Обычно он ездит туда в первой половине дня. А сейчас уже глубокий вечер.

– Если не сказать, ночь.

За лишенными занавесок окнами сгущалась тьма. И Саше уже несколько раз звонили родители. И под конец мама сказала, что отец уже едет за ней, и чтобы Саша не смела возра-

жать. А вот Геше никто не звонил. О нем словно бы некому было тревожиться. Саша отметила это машинально, совершенно еще не представляя, что ей делать с этой информацией.

– Ребята, вам надо ехать, – сказал Павел Карлович. – Вы мне очень помогли, спасибо вам, но сейчас вам пора.

– А вы?

– А я останусь тут. И либо дождусь Никифора и пойму, что с ним все в порядке... Либо утром пойду в полицию.

На этом и порешили. Папа легко согласился подкинуть Гешу до его дома, но мальчик настоял, чтобы его высадили возле ближайшей станции метро.

– Славный мальчик.

– Да, хороший.

– И мне показалось, но он как-то по-особенному на тебя смотрит?

– Тебе показалось. Папа, перестань! Лучше посмотри, какую скрипку я раздобыла.

Но папа совсем не разбирался в скрипках, поэтому восторга не выразил, а лишь сказал, что если Саше она по душе, то он очень рад.

На этом их разговор и закончился. Саша поняла, что не стоит тревожить папу известием об истинной стоимости инструмента, да еще полученного ею при столь необычных обстоятельствах.

Сочетание многомиллионной скрипки и дарителя, обнаружившегося всего несколькими часами позднее уже с пробитой головой, неизбежно должно было насторожить папу хотя бы потому, что указывало на начало нового расследования, затеянного его неугомонной дочерью. А таких расследований папа не любил, они их с мамой сильно нервировали. Это Саша не могла не знать, поэтому деликатно промолчала и позволила папе думать, будто бы у них все в полном порядке. Скрипка есть, и дочь не волнует ровным счетом ничего, кроме продолжения ее занятий.

Глава 3

Приятная иллюзия благополучия длилась у родителей недолго. Дома после ужина папа зачем-то полез в интернет, чтобы прочитать про полученную Сашей скрипку, узнал имя мастера, увидел примерную стоимость изготовленных им инструментов и, мягко говоря, выпал в осадок. Когда он себя из этого осадка извлек и вернул в более или менее нормальное состояние, папа сделал самое худшее из всего того, что он мог сделать. А именно, побежал к маме и нажаловался ей.

– Наша дочь притащила домой в футляре целое состояние! Вся наша квартира стоит меньше, чем одна эта скрипка.

– Не понимаю, почему ты шумишь? В кои-то веки к нашему берегу прибило действительно что-то стоящее. Чем ты опять недоволен?

– А я тебе сейчас объясню, чем я недоволен. Если эта скрипка сломается, испортится или вовсе пропадет, то отвечать за это будешь ты!

– Почему я?

– А кто? Я?

– И не ты тоже. Почему вообще должно что-то случиться?

Но папа заявил, что когда речь идет о предмете стоимостью в их квартиру, то нельзя исключать никакую вероятность.

– И тогда получается, что в ответе остается Сашка. Она скрипку взяла, ей и отвечать, если с ней что-то произойдет. Но если ты помнишь, то ей еще не исполнилось восемнадцати. И значит, выплата владельцам ляжет на нас с тобой. А я не хочу распродавать все свое имущество!

Мама робко возразила, что возможно, продавать ничего еще и не придется. Но папа твердил, что скрипку немедленно нужно отнести в полицию или поместить в банковское хранилище. Но это предложение не понравилось уже Саше.

– Интересно, если скрипка будет у других, то играть я на чем буду?

Папа закатил глаза.

– Она еще и играть на ней собралась! Ни в коем случае! Даже не прикасайся к ней!

– Между прочим, мне ее подарили.

Но папа заявил, что это какая-то ошибка. И Саша, тоже впечатленная заявленной стоимостью скрипки, была вынуждена признать, скорее всего, так оно и есть.

Решили, что до утра скрипка все же побудет у них дома. Нести такой ценный инструмент в потемках куда опасней, чем оставить его на месте. А утром они вместе что-нибудь придумают.

Всю ночь Саша спала очень плохо. Слова папы о том, что ей придется отвечать своим имуществом, если со скрипкой что-нибудь случится, заставили ее разволноваться. И ночью ей все время чудились какие-то подозрительные шаги, вздохи и шорохи. Казалось, что входная дверь то открывается, то закрывается. Сашенька то и дело вскакивала с кровати и бежала смотреть, на месте ли скрипка. Но футляр стоял на том самом месте, где она его и поставила. И никуда исчезать не собирался.

Тем не менее еще одной такой тревожной ночи для себя девушка не хотела. И едваждавшись утра, объявила:

– Я звоню Петру Карловичу.

Тот приветствовал ее таким бодрым голосом, что у Сашеньки моментально отлегло от сердца.

– Нашелся! – радостно воскликнул Петр Карлович. – Мой старый друг Никифор уже у себя дома и только что звонил мне.

– Где же он был?

– Он всю ночь провел на кладбище.

– Ночь? На кладбище?

Это и звучало дико, да плюс на улице было еще совсем не жарко по ночам. Неужели, старик спал на голой земле? Прямо на могилке своей жены?

В ответ Петр Карлович начал повествование о вчерашнем путешествии своего друга. Как обычно, Никифор отправился на кладбище, чтобы там помянуть свою любимую жену Марту и внучку Анечку. С собой у него была припасена бутылочка, которую он обычно потихоньку выпивал на кладбище. Сидел, мысленно разговаривал с близкими ему женщинами, а к вечеру покидал кладбище и на своих двоих спокойно возвращался домой.

– Но в этот раз с самого начала что-то у него пошло не так. То ли возраст подвел, то ли водка оказалась некачественной, только уже после первой стопки он почувствовал, как кружится у него голова.

– Если он водку одной лишь холодной овсянкой закусывал, то неудивительно, что он быстро захмелел.

– Нет, в этот день Никифор всегда позволял себе кусочек копченой колбасы с черным хлебом. Это была любимая еда Марты, и он в память о жене всегда брал себе такую закуску. В общем, с закружившейся головой он выпил еще стопку и тут окончательно потерял сознание. Их захоронение находится в удаленной части кладбища, никто его не заметил. Очнулся он уже ближе к вечеру. Кладбище закрывалось. А рядом с ним стоял сторож, который привел его к себе в сторожку. Водка у Никифора еще оставалась, и закуски тоже было прилично, и он поддался на уговоры сторожа, немножко подкрепиться перед дорогой домой. В общем, они со сторожем выпили по стопке и дальше Никифор снова ничего не помнит. И самое интересное, что сторож еще не старый совсем мужик, тоже заснул вместе со своим гостем. Проснулись они оба уже под утро, после чего Никифор и вернулся домой.

– Какая странная водка. Где он ее взял? Нужно написать жалобу в магазине.

– Говорит, что водка очень хорошая и дорогая. Говорит, что ее привез ему зять.

– Зять! – воскликнула Сашенька. – Вот мы и подобрались к самому важному! Значит, Никифор все-таки общается с этим человеком?

– Вот я тоже удивился, как ты сейчас. Начал расспрашивать, но в ответ ничего путного не услышал. Мне даже показалось, что Никифор как-то еще не отошел от той дряни, которую в себя влил. У него язык совершенно заплетался.

– Мы с вами должны выяснить, как зять очутился в квартире Никифора в его отсутствие! Или Никифор дал ему ключи?

Увы, Петр Карлович таких подробностей не знал.

– Тогда поехали! Поехали немедленно! К вашему другу Никифору!

– А на занятия в школу тебе разве не нужно?

– Сегодня ничего важного не будет, – отмахнулась девочка. – Могу и пропустить денёк!

Под конец года они занимались повторением ранее пройденного материала, готовясь к выпускным экзаменам. Ничего нового Саша бы в школе все равно не узнала, а вот у Никифора, она чувствовала, новостей окажется предостаточно.

– Будь добра, не забудь скрипку.

– Конечно.

Футляр оказался Сашеньке необычайно легким, но она не придавала этому значения, списав все на свою утреннюю бодрость, резко повысившуюся после двух чашек крепкого кофе. Куда больше ее встревожила входная дверь, которую она обнаружила не крепко запертой, а лишь прикрытой. Видимо, кто-то из родителей, уходя, забыл закрыть замок. И Саша в очередной раз порадовалась, что скрипка осталась на месте.

– Диня! Яго! – крикнула она. – Я уйду!

Но в прихожей никто не появился. Зато из кухни доносилось довольное чавканье и хлопанье крыльев. Попугай с щенком доедали забытые Сашей на столе остатки ее завтрака. И

конечно, когда она прибежала, то ее встретили вылизанные до блеска чистые тарелки. И два бандита, которые изо всех сил делали вид, будто бы они тут ни при чем. Попугай клювом причесывал себе перья, а Аладдин забрался под стул и вроде бы даже спал.

– Молодцы! Нечего сказать. Всю колбасу сожрали! Что теперь родители на ужин есть будут?

Попугай перестал заниматься своим туалетом, задумчиво посмотрел на Сашу и неожиданно внятно и раздельно произнес:

– Р-р-рагу!

Услышав заветное слово, наружу выбрался Диня. Сна у него не было ни в одном глазу. На морде читался живейший интерес. А? Что? Кто тут сказал «рагу»? Где дают? Мне тоже кусочек да побольше!

– Ну, все с вами ясно, – засмеялась Саша. – Дай вам волю, вы весь дом сожжете!

Она ушла, на сей раз тщательно заперев дверь на два замка. С верхним замком попугай уже научился справляться, ловко поворачивая ручку изнутри. После чего они с Аладдином удирали из дома и весело проводили время до прихода хозяев, шкодя и хулиганя в районе. А вот с нижним замком так лихо справиться у попугая пока что не получалось. Чтобы открыть этот замок, нужен был ключ хоть с одной, хоть с другой стороны.

Но Сашенька не сомневалась, попугай уже работает над этой проблемой, недаром папа вчера жаловался, что пропала его связка ключей. Конечно, вскоре ключи нашлись, и папа даже сетовал на собственную рассеянность, но Сашенька была не так доверчива. Она была почти уверена, что попугай уже снял слепки с ключей. Неспроста же одновременно с ключами из свежего батона исчез весь хлебный мякиш.

Доверчивые родители решили, что это кто-то из крылатых-четырехлапых постарался, слопал мягкую серединку, но девочка считала, что мякиш был использован попугаем вместо пластилина для снятия формы с ключа, и всем людям в этой семье пришлось время держать ухо востро. Неизвестно ведь, с каких еще ключей были сняты слепки пройдохой Яго.

– Интересно мне знать, где этот попугай жил до нас? В колонии с уголовниками? Или он от природы такой?

В том, что у Яго имелись ярко выраженные криминальные задатки, с каждым проведенным с ним бок о бок днем становилось все очевидней.

Поездка с Петром Карловичем не принесла Саше никакого удовольствия. Ее преподаватель неожиданно ударился в воспоминания и вздумал рассказывать ей о своих прежних учениках, причем получалось, что все они достигли больших успехов в музыке, а Саша никому из них и в подметки не годится.

– Никогда прежде не согласился бы взять столь слабую ученицу. Но что поделаешь, возраст, я становлюсь сентиментальным.

Саша не нашлась, что ответить. Но про себя подумала, что больше на уроки к Петру Карловичу она не пойдет. Оно ей нужно, за свои же деньги выслушивать всякую неприятную правду. Одно дело, когда занятия проходят в режиме школьного графика, тогда учитель может и должен говорить ученику все как есть. Но когда человек учится ради собственного удовольствия и за это удовольствие готов платить звонкой монетой, тут уж, извините. Либо гладьте по шерстке, либо пойду в другое место.

– Я и сама понимаю, что великого музыканта из меня не получится.

– Великого?!

И Петр Карлович так выразительно поднял брови и закатил глаза, что без слов было ясно, даже самого завалящего музыкантишки из Саши никогда в жизни не вылупится.

В общем, когда они поднялись к знакомой двери, то Саша твердо решила, эта их встреча с Петром Карловичем последняя. А вот открывший ей дверь Никифор неожиданно понравился. Он был маленький, худенький и весь какой-то прозрачный. Впрочем, оно и неудиви-

тельно, на овсянке с несладким чаем трудно набрать жирные бока. Но не это было главное. Глаза! Они светились удивительно добрым и каким-то уже неземным светом.

– Петя! – обрадовался он. – Заходи. И вы, дорогая, не знаю вашего имени, но тоже проходите.

– У меня ваша скрипка.

– Скрипка?

– Мне вчера ее отдал ваш зять.

– Странно, зачем бы ему это понадобилось, – пробормотал Никифор с недоумением. – Ну да ладно. Проходите, сейчас со всем разберемся.

Сегодня в квартире было почище. Было ясно, что кто-то протер пыль и вымыл пол. Петр Карлович тоже это заметил и одобрительно поднял указательный палец.

– Никифор! Молодец! Взял себя в руки! Сделал уборку!

– Что, – сначала не понял его приятель. – Ах, это! Нет, это не я! Это Анечка навела порядок. Говорит, что малышу вредно дышать пылью. Ты себе даже не представляешь, Петенька, до чего же я теперь счастлив.

Глаза Никифора и впрямь сияли.

А вот Петр Карлович не спешил разделить его радость.

– О чем это ты говоришь? – спросил он.

– Да ведь ко мне вернулась наша Анечка! Теперь и Хелен пойдет на поправку. Врачи давно говорили, увидит доченьку и поправится. А тут такая радость, не только доченька, но и внучек... Мишенька!

Петр Карлович буквально окаменел на месте. Да и у Саши глаза округлились.

– Что-то я не понял. Какая Анечка? Какой Мишенька?

Никифор тихо рассмеялся.

– Что ты, Петя! Как это какая Анечка? Моя внучка!

– Она же умерла.

– А вот и не умерла! Я всегда знал, что она жива и рано или поздно вернется к нам. И она вернулась. Если ты бы мог почувствовать, что чувствую я!

Но Петр Карлович отмахнулся от этих эмоций.

– Никифор, утри сопли, возьми себя в руки и объясни мне, что тут происходит!

– Тебе легко говорит, ты никогда никого не любил. Всю жизнь прожил один, не знаешь, каково это иметь ребенка, а потом его потерять.

Петр Карлович побледнел. И лицо его словно бы передернуло судорогой. На мгновение он сделался страшен, но потом все прошло. И он лишь улыбнулся очень странной улыбкой.

– Никифор, будь другом, придержишься фактов. Отвечай на поставленные вопросы. К тебе вернулась твоя внучка Аня?

– Да! Да!

– Как это произошло?

– Обыкновенно. Мне позвонили в дверь, я открыл, а там стояла она! Анечка! И Мишенька с ней. Но это я потом уже узнал, как они с мужем мальчика назвали.

– И спустя столько лет ты сразу ее узнал?

– Да!

– Поправь меня, ей же сейчас должно быть около девятнадцати? А когда она исчезла, ей было четырнадцать. В этом возрасте девушки очень сильно меняются.

– А она не изменилась. Я сразу ее узнал. У нее на щеке родимое пятно. Когда девочка родилась, Марта и Хелена очень переживали. А потом привыкли. И вообще, даже без этого пятна я бы все равно ее узнал! Мне сердце подсказало. Взглянул на Мишеньку, сразу увидел, наша кровь. Говорю тебе, это она! Почему ты мне не веришь?

– Трудненько в такое поверить. И где же она была все эти годы?

– О! С ней произошла удивительная история. Она попала под машину, у нее было сотрясение мозга, и она потеряла память. Документов у нее при себе не оказалось, кто она такая, вспомнить девочка не смогла, и ее взяла к себе жить семья доктора, который ее лечил. Он же потом стал отцом Мишеньки.

– Очень интересно. А документы ты у этой... внучки проверил?

– Ах, какие там документы! Ты что не понимаешь? Ей сделали другие документы, на новое имя. Она же ничего не помнила, бедная моя девочка!

– Но твой адрес она вспомнила?

– Да. Спустя годы память к ней вернулась.

– Вернулась, значит! – произнес Петр Карлович таким тоном, что сразу становилось понятно, он не верит ничему из сказанного Никифором. – И девушка сразу вспомнила тебя?

– Не только меня. Еще она вспомнила своего отца. И... маму.

– Вот как! То есть Анечку к тебе направил твой зять?

– Нет, но он тоже был страшно рад ее возвращению. Ты бы только видел, когда он радовался! Он буквально сиял, когда увидел Анечку с Мишей! Я сразу простил ему все его фокусы и выходки! Понял, что он любил Хелену. И теперь я даже думаю, что, возможно, в их разрыве виноват не только он. Моя дочь, она тоже была во многом неправа.

– Никифор! Ты...

Сашенька догадалась, что готовится сказать Петр Карлович. Налицо была какая-то афера. К доверчивому старичку пришла некая молодая женщина, которая представилась его давно пропавшей внучкой. Из доказательств у нее на щеке было родимое пятно. Для Никифора, мечтавшего о том, что внучка когда-нибудь вернется к нему, других доказательств было и не нужно, но если вдуматься, то все это выглядело более чем подозрительно. И сильно, очень сильно пахло мошенничеством. Все это можно было бы озвучить, но, к удивлению Сашеньки, Петр Карлович сказал нечто совсем другое.

Он притворно заулыбался и всплеснул руками:

– Никифор! Ты меня поразил! Такая новость! Вот так радость!

– Ты рад?

– Счастлив! Мечтаю познакомиться с твоей внучкой.

– Ты что, Петруша? – миленько и по-доброму засмеялся Никифор. – Вы же сто лет как знакомы!

– Да, ты прав. Оговорился. Сам не знаю, что мелю на радостях. Ну, то есть я хотел сказать, что мечтаю увидеть нашу Анечку!

– Увидишь, обязательно увидишь. И ее, и ее мужа, и их мальчика. Мишенька. Это же мой правнук. Сегодня же мы с Анечкой должны поехать к Хеленочке в больницу. Я очень надеюсь, что, когда она увидит нашу Анечку, то быстро пойдет на поправку. Уверен, что так оно и будет.

– Это прекрасно! Я страшно рад за вас! Но где же сейчас Анечка?

– Они пошли проведать Сергея. Он почему-то в больнице. Правда, врачи сказали, что он пришел в сознание. Я только не понял, что именно случилось, но Анечка сказала, что вчера на него кто-то напал.

– Напал! Ударил по голове! И случилось это тут!

– Где?

– Нападение произошло в твоей квартире, где сегодня твоя внучка навела такую чистоту. Судя по всему, Никифор никакой связи между этими двумя событиями не улавливал.

– Но кто мог напасть на Сергея?

– Уж не знаю, с кем твой зять устраивал тут свидания, пока ты был на кладбище. И как получилось, что ты поехал на кладбище один? Разве Анечке не хотелось побывать на могилке у своей бабушки?

– Она хотела. Очень хотела.

– Почему же не поехала?

– Мишеньку не с кем было оставить. А мальчик еще слишком мал, чтобы бывать в таких местах.

– И сколько же ему лет?

– Анечка говорила, скоро должно исполниться пять.

– Пять! Пять лет!

Петр Карлович выглядел шокированным.

– А что тут такого? Почему ты так реагируешь?

– Нет, просто радуюсь, что у тебя такой взрослый внук, – пересилив себя, снова улыбнулся Петр Карлович. – Это поистине огромное счастье, Никифор. И я очень, очень сильно рад за тебя. Так рад, что у меня даже ноги подкашиваются. Позволишь мне выпить у тебя глоток воды?

– И даже чего-нибудь покрепче! Есть коньяк! Есть торт! Сейчас мы с вами будем пировать. В самом деле, нужно же отпраздновать такое событие!

Пока Никифор суетился на кухне, Петр Карлович схватил Сашу за руку и притянул ее к себе.

– Ты видишь, что тут происходит? Какая-то мошенница присвоила себе имя Анечки. Пять лет внуку! Никифор совсем выжил из ума! Если ребенку пять лет, то получается, Анечка была уже глубоко беременной, когда исчезла из дома!

– Может, так оно и было?

– Не верю я в такие возвращения. Уверен, это Сергей – зять Никифора затеял какую-то аферу. Старик-то одинокий, сумасшедшая дочка не в счет. А накоплений у Никифора имеется на много миллионов. Плюс квартира. Инструменты!

– Так по нему и не скажешь. Живет очень скромно, питается жидким чаем с голым хлебом.

– Не обращай внимания на такие странности! Гениальному человеку многое прощительно. А Никифор до сих пор очень востребован. Это не я! Он за каждый концерт получает сотни тысяч. А таких концертов он дает в год не один, не два и даже не десять. И при этом не тратит почти ничего!

– Вы говорили, он отдает заработки на благотворительность.

– Верно, но основную сумму он складывает на счет, чтобы затем после его смерти был учрежден фонд его имени. Представляешь, сколько денег скопилось на его счетах?

– Так он богат?

– Невероятно! А завещания, насколько я знаю, нет. Все на словах!

– Тогда это многое объясняет.

– Ты это понимаешь! – обрадовался Петр Карлович. – А Никифор нет! Но ты мне помо-
жешь!

– Как? И чем?

– Поможешь вывести на чистую воду эту артистку, которая притворяется его внучкой. А за это... я научу тебя играть не скрипке. И даже денег за уроки не возьму!

Сашенька уже хотела согласиться на заманчивое предложение, тем более что у нее самой руки чесались покопаться в этом запутанном деле, но передумала.

– Вы же говорили, что я бездарна!

– Я такое говорил?

– Давеча, когда мы с вами ехали в такси.

– Я говорил, что тебе поздно думать о большой сцене. Но прилично играть на скрипке ты вполне в состоянии. Скрипка – это такой же инструмент, как и всякий другой. Научишься! Тем более когда у тебя будет такой учитель, как я!

Можно подумать, раньше ей преподавал кто-то другой. И Саша прекрасно понимала, что сейчас Петр Карлович лукавит. Не выйдет из нее музыканта, сколько ни старайся. Но Саша уже чувствовала, что дело ей предлагают стоящее, и нужно соглашаться. Вот только прежде чем она кивнула и они ударили по рукам, в квартире раздался громкий возглас. И в нем было столько отчаяния и ужаса, что сразу стало ясно, это не к добру.

– Что там у него еще случилось? – встрепнулся Петр Карлович. – Глупый старик! Кипятком он обварился, что ли?

– Вряд ли. Это в прихожей.

Они поспешили на звук. Возле входной двери они застали Никифора, пребывавшего в полнейшей растерянности. Взгляд у него был опустошенный и страдающий. Он повернулся к ним, на вытянутых руках лежал открытый скрипичный футляр.

– Где?..

И голос музыканта надломился. Он был просто не в состоянии продолжать. И где-то Сашенька его понимала. Она и сама временно утратила дар речи.

Один Петр Карлович не потерял умения связно излагать свои мысли.

И потому воскликнул:

– А где же твоя скрипка, Ники?!

Увы, футляр от инструмента был пуст. В нем не было ни скрипки, ни смычка, ни даже того красивого бархатистого покрывала, которым можно было любоваться еще вчера вечером.

Глава 4

Какое-то время они все трое молча смотрели на бархатное нутро футляра.

А потом Петр Карлович произнес:

– Скрипки нет!

Это был совершенно очевидный факт. Но Петр Карлович счел нужным добавить:

– Она пропала!

– Но куда она делась?

– Что ты скажешь, Александра?

То, что к ней обратились в столь официальной манере, уже говорило о многом. Но что могла ответить ему Сашенька? Девочка и сама пребывала в полнейшем замешательстве.

– Вчера вечером скрипка была у меня в полном порядке.

– Это точно?

– Абсолютно! Я помню, как показывала ее родителям. Папа внимательно рассмотрел ее, а мама даже попробовала поиграть на ней.

Никифор хлопнул ресницами, а Петр Карлович воздел руки к небу.

– Поиграть! О, боги! Дальше что было? Куда вы дели скрипку?

– Мы никуда ее не девали. Положили в футляр и оставили до утра в коридоре. А утром я привезла ее сюда.

– Ее украл таксист! – воскликнул Никифор.

– Ерунда! – возразил Петр Карлович. – Всю дорогу скрипка ехала на коленях у Саши. Это кто-то уже у тебя дома ее стащил.

– Кроме нас троих, тут никого не было.

– Мы оставили скрипку возле входной двери. А ты ее лишь прикрыл. Кто угодно мог открыть дверь, войти, украсть скрипку и незаметно выйти.

– Это невозможно.

– Не спорьте, – сказала Сашенька. – Это ни к чему не приведет. Скрипку украли, с этим нужно что-то делать и делать быстро, пока вор...

И тут Сашенька осеклась, потому что вспомнила, каким подозрительно легким показался ей футляр со скрипкой, когда она взяла его сегодня в руки. Но она не придавала этому значения. А надо было придать. Раз в футляре ничего не было, значит, скрипка пропала еще раньше. Еще до того, как Сашенька вышла сегодня из своей квартиры.

– Сейчас я позвоню родителям.

Но звонки папе с мамой не дали никакого результата. Родители категорически отрицали свою причастность к исчезновению скрипки.

– Да я после того как узнал, сколько она может стоить, даже прикоснуться к ней лишний раз боялся, – сказал папа.

А мама пошла еще дальше и сразу ударилась в панику:

– Что? Скрипка все-таки пропала? И теперь тебя обвиняют в ее краже? Поздравляю! Я тебя предупреждала! В какой отдел полиции везти теплые вещи и продукты для тебя?

– Меня еще никто и ни в чем не обвиняет!

Но оказалось, что уже обвиняют. Когда Сашенька пришла к музыкантам, то они заявили, что проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что скрипка могла пропасть только из дома ученицы.

– Я с вами согласна. Но я ее не брала. И также я считаю, что украсть ее мог лишь тот, кому она и предназначалась.

– Что это значит?

– Ваш зять видел меня в первый раз в жизни, точно так же, как и я его. Но он прямо с ходу вручил мне футляр с этой скрипкой. Прямо ни секунды не помедлил. Я прихожу к дверям, звоню, он открывает. Мне нужна скрипка. Пожалуйста, вот она. Обслужил меня быстрее, чем продавец в магазине.

– Допустим. И какой из этого вывод?

– Скрипка была уже приготовлена для передачи. Разумеется, она предназначалась не для меня. Ко мне она попала по воле случая. Я появилась случайно там, где должен был оказаться другой человек. Тот, кому ваш зять собирался отдать вашу скрипку!

– Я не понимаю, – пробормотал Никифор. – Как он мог? Нет, я не про морально-этический аспект. Но как он мог? Ведь я бы вернулся, обнаружил исчезновение скрипки, начал расследование!

– Видимо, они рассчитывали, что вы уже не вернетесь.

– Как это? А куда бы я делся?

– Вы сами сказали, что вам стало плохо, едва вы отпили из подаренной вашим зятем бутылки. А ведь вы сделали лишь совсем маленький глоточек.

– Я всегда пью по чуть-чуть, когда прихожу к Марте на могилку. Она этого не любила. Поэтому я пью по крохотному глоточку, чтобы не опьянеть, но и не мерзнуть и как можно дольше побыть там у нее.

– И Сергей мог знать об этой вашей привычке?

– Вряд ли. Он никогда со мной на кладбище не ездил.

– Он рассчитывал, что вы осушите бутылку в один присест. Или выпьете сразу целый стакан. И тогда вас бы уже никто не спас. И глубоким сном, и тяжелой головой дело бы не ограничилось.

– Считаете, Сергей хотел меня отравить?

– А тебе самому такая мысль в голову не закрадывалась?

Никифор отвернулся. Плечи его поникли. И Сашеньке стало жаль этого смешного и такого одинокого человека. И ей еще сильнее захотелось помочь ему разобраться в этой ситуации. Насчет того, что к ним в дом ночью могли проникнуть и проникли злоумышленники, Саша даже не сомневалась. Наверняка проходимец Яго снова умудрился открыть замок на входной двери. Попугай уже не впервые практиковался в подобном. Открыв дверь, попугай отправился на ночную вылазку, наверное, и Аладдина еще с собой прихватил. Ну, а открытой дверью воспользовался тот, кто так стремился добраться до скрипки Ярового. И добрался! Спасибо Яго, и зачем только папа в свое время притащил его к ним?!

– Не переживайте вы так, – воскликнула Сашенька. – Мы знаем, кто стоит за этой аферой со скрипкой. И найдем ее!

Никифор взглянул на Сашу с благодарностью.

– Благодарю тебя, милое дитя. Сразу видно, что у тебя доброе сердце. Но разве за скрипку я переживаю? Страдаю я из-за моей Анечки. Ведь Сергей – ее отец, а хорошо ли, иметь отца вора?

– Мы еще не знаем всей правды. Возможно, Сергея также использовали втемную. Возможно, он сам не понимал до конца, что происходит.

– Думаешь, его обманули?

– Чтобы разобраться в этой истории, я должна поговорить с вашей внучкой. Как можно это сделать?

– Анечка должна скоро вернуться. До больницы всего несколько минут пешком. Она давно должна была уже прийти назад. Я даже волнуюсь. Уж не случилось ли с Сергеем самое худшее?

– Но вам же по телефону сказали, что он пришел в сознание.

– С травмами головы шутить не приходится. Человеку вроде бы совсем хорошо, все у него в полном порядке, а потом он внезапно раз! И умирает. Так скончался мой собственный дедушка. Утром ударился головой о дверной косяк, а следующей ночью заснул и уже не проснулся.

– Эти факты могли быть и не связаны между собой.

Но Никифор считал, что удар по голове не может привести ни к чему хорошему.

– Вот и Елена в детстве ударилась лбом об лед, упав на катке, а спустя годы оказалась в сумасшедшем доме.

Переспорить Никифора оказалось невозможно, и Сашенька предложила:

– Раз больница так близко, давайте сходим туда все вместе.

Но Никифор заявил, что так они могут разминуться с Анечкой. Решили так, он останется ждать внуку с правнуком дома, а Саша с Петром Карловичем проводят Сергея и узнают от него последние новости.

Больница располагалась на огромной зеленой территории, больше похожей на старинный, порядком заросший парк. Миновав ворота, сыщики оказались на красивой площади, с которой вдаль уходили шеренги корпусов, двух, трех или четырех этажей. Все они были выкрашены в кирпично-красный цвет с декоративными белыми элементами и терялись среди облака первой весенней зелени. Из-за этого больница выглядела нарядно и как-то даже празднично. Казалось, что в этих веселеньких домиках люди обязательно быстро и в полном составе идут на поправку.

Тут же на территории находилось учебное заведение, а у студентов появлялась уникальная возможность, практически не вставая с парты, оттачивать полученные во время учебы навыки на пациентах. Одним из таких подопытных и стал Сергей – зять Никифора, с которым Саша имела вчера короткое, но плодотворное знакомство.

Никого похожего на Анечку рядом с постелью пострадавшего не наблюдалось. А визиту Петра Карловича он совсем не обрадовался. Сморщился и попытался сделать вид, что вовсе его не замечает, для чего отвернулся к стене. И даже известие о том, что это Петр Карлович вчера вызвал врачей, которые в итоге и спасли Сергею жизнь, не сделало того сговорчивей.

– Кто на меня напал, я не видел. И сюда меня везти было не нужно. У меня сотрясение мозга, единственное лечение – это покой. Так в кровати валяться я и дома у себя спокойно мог.

– Но нашли мы тебя вовсе не у тебя дома. Как ты оказался в квартире Никифора?

– Не твое дело!

– Считай, что мне это поручил Никифор у тебя выяснить.

– С какой это радости?

– А с такой, что я веду следствие по факту кражи его скрипки. Ты скрипку вчера девочке отдавал?

– Отдавал. Вот ей.

– А зачем дал?

– Она попросила, я и отдал.

Глаза Сергея при этом предательски забегали из стороны в сторону.

– Разве ты не знал, сколько эта скрипка стоит?

– Ну, сколько она там может стоить?

Сергей пытался говорить пренебрежительно, но у него ничего не вышло. А физиономия у него выразила испуг. Неужели, дорогая была скрипка?

А Петр Карлович еще на него и прикрикнул:

– Не притворяйся! Ты был членом семьи Никифора. Ты прекрасно знал, кто там зарабатывает, сколько зарабатывает и чем зарабатывает. И про стоимость инструмента, с которым

Никифор выступал на сцене, ты также был прекрасно осведомлен. Говори правду, или прямо сегодня Никифор идет в полицию и пишет на тебя заяву.

Сергей нахмурился:

– Не в чем мне каяться. Аня велела мне эту скрипку отдать. Сказала, что придет девочка, спросит скрипку, я должен ее отдать. Она мне эту скрипку уже приготовила. У дверей стояла скрипка.

– А ключи? Как ты в квартиру попал?

– Ключи мне Никифор оставил. Как знак примирения между нами. Что до Аньки, то она мне еще днем позвонила, сказала, что нужно скрипку отдать. Я только к шести должен был освободиться. Она сказала, что тогда в половине седьмого девочка приедет. Она и пришла. Какие ко мне вопросы?

– И зачем же Ане понадобилось избавляться от скрипки своего деда?

– Нет, это ее собственная была скрипка. Аня в свое время брала уроки, и на том инструменте дочка и играла. Никифор где-то эту скрипку для внучки раздобыл. Проявил внимание. Впрочем, особого таланта у Ани не обнаружилось. И старик все время ворчал, что инструмент оказался способней своего исполнителя. А после исчезновения Ани эта скрипка у него целых пять лет в шкафу пылилась. Аня стала уборкой заниматься в своей комнате и скрипку нашла. Играть на ней она не собиралась, вот и продала какой-то девчонке через «Авито». Та должна была за ней приехать, Аня уходила, и меня попросила, чтобы я эту скрипку отдал.

– Так... Очень интересно. И ты хочешь, чтобы я поверил, что спустя пять лет к тебе вернулась бы твоя дочь?

– Аня – моя дочь. И она вернулась.

– Ну, допустим, Никифора вам удалось обмануть. У него в голове вата. Но я прекрасно знаю, эта мошенница, которая втерлась в доверие к моему другу, она никакая не Аня.

– Это Аня, – угрюмо и однообразно пробубнил Сергей. – Она вернулась. Это моя дочь.

– Ладно, предположим. И где же она?

– Не знаю. Не видел ее сегодня.

– Нет? А Никифор сказал, что она пошла сюда в больницу, чтобы тебя проведать.

Сергей выглядел изумленным.

– Не видел ее. Она сюда не приходила.

И странное дело, голос его прозвучал вроде как даже искренне.

– А по голове тебя кто вчера ударил? Тоже Аня?

– Зачем ей кого-то по голове бить? Да и не было ее рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.